

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *каاتبов*»): секреты мастерства средневековых *каاتبов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПῚΡΟΤ (*ЕвИуд* 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович		
А.А. Ковалев		
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013	IN MEMORIAM	
© Институт восточных рукописей РАН, 2013	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322

М.С. Пелевин

**Топонимика и локализация действия
в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.)**

Малоисследованный текст племенной хроники хатаков, которая является частью историографического сочинения Афдал-хана Хатака (ум. ок. 1740/41 г.) «*Tārīḫ-i murāṣṣa'*» («Украшенная драгоценностями история»), изобилует местной топонимикой, что объясняется комплексом взаимосвязанных причин: общим отношением паштунского племенного общества к земле как главному источнику жизнеобеспечения, политико-правовой идеологией паштунских племенных вождей, чувствами местного патриотизма, заданной стилистикой хроникального повествования. Топонимика позволяет проследить последовательность и хронологию миграций хатакского племени, точно очертить территорию его расселения на рубеже нового времени. Масштаб географической карты хроники постоянно меняется в зависимости от стилистических особенностей жанра повествования, уменьшаясь в пассажах историографического содержания и резко возрастая в записях дневникового характера.

Ключевые слова: классическая литература пашто, историография и историческая география паштунских племен.

В компилятивном историографическом сочинении Афдал-хана Хатака (ок. 1664/65–1740/41) «*Tārīḫ-i murāṣṣa'*» («Украшенная драгоценностями история») примерно третью часть занимают оригинальные авторские тексты, которые в совокупности являются племенной хроникой хатаков (Афдал, 1974, с. 254–513)¹. Эти тексты включают в себя родовые генеалогии, записи из племенной истории, дневники и воспоминания Афдал-хана, хатакского правителя с 1692 г., и его деда Хушхал-хана Хатака (1613–1689), знаменитого паштунского поэта-классика, основоположника национальной литературы пашто, возглавлявшего хатакское племя в 1641–1664 гг. Хушхал-хан вправе считаться соавтором Афдала в хроникальной части «*Tārīḫ-i murāṣṣa'*». Именно его исторические записки и дневники, частично сохранившиеся в виде прямых цитат² и близких к оригиналу пересказов Афдала, лежат в основе хатакской хроники. Тексты хроники, до сих пор подробно не изучавшиеся за пределами паштоязычной научной среды³, представляют интерес не только как уникальные источники по истории северо-восточных паштунских племен накануне образования афганской государственности, но также как ранние образцы паштунской книжной прозы.

Даже беглое знакомство с хроникой сразу выявляет тот факт, что ее язык изобилует топонимикой. Авторы с акцентуируемым вниманием и чрезвычайной скрупулезно-

¹ Об авторе и его сочинении см. (Кушев, 1980, с. 64–65; Пелевин, 2010, с. 211–215; Хевадмал, 2000, с. 164–165).

² Самый длинный фрагмент из дневника Хушхал-хана описывает события племенной истории в 1672–1674 гг. (Афдал, с. 298–327).

³ Основными источниками сведений о «*Tārīḫ-i murāṣṣa'*» и хатакской хронике в западной и отечественной афганистике по-прежнему остаются старые хрестоматии Х.Г. Раверти «*The Gulshan-i-Roh*» (Raverty, 1860, р. 1–53) и Т. Хьюза «*The Kalid-i Afghānī*» (Hughes, 1873, р. 207–240), а также комментированный английский перевод хрестоматии Хьюза, сделанный Т.Ч. Плоуденом (Plowden, 1875, р. 167–208).

стью относятся к географии описываемых ими событий. Местонахождение действующих лиц, маршруты их передвижений, места, где происходят действия любой степени важности, как правило, обозначаются с предельной точностью. Можно сказать, что географическое пространство хроники всегда строго локализовано. С одной стороны, насыщенность хатакской хроники топонимикой существенно повышает ее значение как ценнейшего исторического источника на языке пашто. С другой стороны, переизбыток географических наименований часто утяжеляет хроникальное повествование, тем более что большой пласт местной топонимики — названия многочисленных мелких поселений, крепостей, горных проходов, утесов, оврагов, лощин, ручьев, рощ и т.п. — в настоящее время при отсутствии специальных академических исследований и атласов по исторической географии паштунских племен не поддается точной идентификации⁴. Высокая частотность малоизвестной местной топонимики в лексике текста говорит о том, что хроника была адресована в первую очередь лицам, хорошо знающим местность, т.е. соплеменникам-хатакам и ближайшим соседям из других племен.

Повышенный интерес к точной географической локализации места действия и, соответственно, к топонимике отражает типичный образ мышления членов племенного общества в целом и представителей его правящей элиты в частности. Этот интерес обусловлен общим отношением к земле как естественной среде обитания и главному источнику жизнеобеспечения.

Хорошее знание территории в первую очередь диктовалось практическими потребностями. Необходимость эффективного использования земли в хозяйственных и военных целях, регулярные повседневные передвижения вследствие разнообразных причин социально-экономического, административного, военно-политического характера, разумеется, требовали безукоризненного знания рельефа местности, путей сообщения, расположения посевных полей, пастбищ, охотничьих угодий, водных источников, лесных массивов, населенных пунктов, крепостных сооружений и прочих географических объектов. В силу своего статуса племенные правители были обязаны владеть подобными сведениями и ориентироваться на всем пространстве подвластных им земель намного лучше рядовых соплеменников, тем более что в их сознании земля являлась также правовым объектом. Авторы хатакской хроники воспринимают землю, любую конкретную территорию как географическое пространство, где реализуются имущественные, социальные и политико-административные права определенной родовой группы. Поэтому знание территории — это также знание пространственных границ своих и чужих правомочий.

Во-вторых, земля (*змэка*) входит у паштунов в традиционную триаду первостепенных общественных ценностей, к которым относятся также женщина (*шэдза*) как источник самой жизни и золото (*зар*) как универсальная знаковая единица движимого имущества. Эта ценностная триада, составляющие которой одновременно являются основными причинами социальных конфликтов, нередко обозначается соответствующими персидскими эквивалентами *зан*, *зар*, *замйн* ('женщина, золото, земля'), дающими символическую аббревиатуру из трех одинаковых букв («три главных 'З'»). Отношение к земле и ее географическим объектам, таким образом, формируется у авторов хроники ценностной шкалой общественного сознания.

Далеко не последнюю роль в отношении к земле играет также эмоциональный элемент, порождаемый ярко выраженными у афганцев чувствами местного патрио-

⁴ О сложностях с идентификацией многих топонимов и этнонимов хроники наглядно свидетельствуют пространственные исследовательские комментарии, которыми сопровождал издание текста выдающийся знаток паштунской истории, культуры и литературы Д.М. Камил (Афдал, 1974, с. 1176–1315).

тизма — необычайно искренней любви к малой родине. Показательным свидетельством таких чувств является поэма Хўшхāl-хāна «Книга разлуки», написанная в период тюремного заключения в Индии. В поэме есть несколько очень трогательных, глубоко лиричных пассажей, которые посвящены воспоминаниям о родных местах автора. Заголовки этих частей поэмы говорят сами за себя: «Описание⁵ земель Сарāя[-Акоры]», «Описание нашей реки [Ландай]», «Описание земель [долины] Майра и весенней охоты», «Тоска по облаве на антилопу Майры», «Тоска по уткам [реки] Кāлапāнэй», «Похвала охоте в предгорьях у Сарāя», «Тоска по охоте на горных козлов у Сārтoя в Нйāбе» (Хўшхāl, 1984, с. 29–30, 41–52; см. также: Пелевин, 2005, с. 272–275).

Насыщенность текста топонимикой объясняется не только особо внимательным отношением авторов хроники к земле как географическому пространству, но еще и причинами сугубо стилистического свойства. Повествовательный стиль хроники — это стиль документального фактологического изложения, которое ведется в форме устных рассказов, воспоминаний или текущих свидетельств, записываемых на бумагу. Излагаемые сведения всегда соотношены с реальными временем и пространством, а поскольку автор хроники часто сам является свидетелем и участником рассказываемых им событий, он как рассказчик-очевидец, естественно, помещает своего читателя (слушателя) именно в то конкретное пространство действия, которое запечатлено у него в сознании. Кроме того, любая детализация действия, в том числе и пространственная, текстуально выражающаяся в избыточной топонимике, воспринимается как признак достоверности излагаемых сведений.

Приоритетную значимость для авторов хроники, естественно, имеет географическая локализация хатакских территорий, т.е. тех земель, на которые распространялись административно-властные полномочия хатакских вождей. К началу XVIII в. хатакские кланы населяли территории, восточная граница которых проходила по Инду, северная захватывала равнинные земли левобережья реки Ландай (Кабул), а западные и южные границы образовывали ломаную линию, соединяющую районы современных пакистанских городов Навшахр, Кохāt, Тхал, Баннū, Лаккй и 'Исāхел. Об областях расселения хатаков Афдал-хāн дает такую лаконичную географическую справку, выделяя три крупные полосы владений — условно северную (аңоҳелы), центральную (болāқи) и южную (мйрйхелы):

«Сейчас племя (олас) хатаков владеет землями от Балара⁶, где граница с йўсуфзаями, до Лаккй, где граница с 'исāхелами. Все эти владения имеют протяженность в семь дней пути по дороге, которая идет вдоль берега Инда. У каждого [хатакского] клана (тāна) свои границы. Земли аңоҳелов простираются от Хайрāбāда до отрогов (ғāшйй) Джйнāкўра⁷, где граница с афрйдаями; земли болāқов — от Макхада до Терй⁸; земли хатаков Цотары, которые [зovутся] мйрйхелами, — от Дйнгoта до Тхала⁹ [в районе] Баннўна дауров» (с. 265)¹⁰.

⁵ Или «восхваление» (та'рйф).

⁶ Балар — один из притоков реки Свāt. (Здесь и ниже примечания к топонимам даны по комментариям Д.М. Кāмила к изданию «Тārйх-и мураҗса'» и современным картам Пакистана.)

⁷ Хайрāбāд — хатакский городок, расположенный на берегу Инда недалеко от места впадения в него реки Ландай (примерно напротив Аттока); Джйнāкўр — горная область к северу от Кохāта.

⁸ Макхад — город, расположенный на берегу Инда в месте впадения в него реки Сохан; Терй — город, расположенный к юго-западу от Кохāта примерно на полпути по дороге в Баннū.

⁹ Цотара, Дйнгoт — хатакские населенные пункты к северо-востоку от Баннў; Тхал — город, расположенный в течении реки Куррам к северу от Баннў.

¹⁰ Здесь и далее в ссылках на текст хроники (Афдал, 1974) указываются только страницы.

Еще более кратко о географии хатакских владений сказано в самом начале хроники, где основным ориентиром тоже названа восточная граница по Инду с ее крайними точками: «Племя хатаков располагается вдоль берегов Инда от границы с йусуфзаями до [владений] 'исахелов» (с. 255–256). Юго-западные части хатакских территорий обозначены здесь лишь коротким перечнем нескольких областей: «Цотара, Лавагар, Тхал [в районе] Баннұна, Карбұта, Гургура (совр. Гургури. — *М.П.*) — это их родина» (с. 256). В другом месте, упоминая о западных границах хатакских земель, Афдал-хāн пишет: «Хвара¹¹ — граница нашей родины: в той стороне — земли Тарай-Болāк, с другой стороны примыкают земли афрйдаев» (с. 381). Ясно, что самим авторам хроники было проще определять географическое расположение хатакских земель по естественной пограничной линии вдоль правого берега Инда, т.е. по четкой линии речной долины. Изогнутая граница по горным районам юга и запада воспринималась ими не как единая линия, а скорее как прерывистая цепь приграничных районов со своими локальными границами, зависевшими от рельефа конкретной местности.

Резиденция хатакских князей — Сарāй-Акора (совр. Акора-Хатак), расположенная на правом берегу реки Ландай в ее нижнем течении вблизи караванной магистрали между Навшахром и Аттоком, — была для авторов хроники подлинно родным городом, к которому они испытывали самые теплые чувства, проникнутые местным патриотизмом. О глубоко эмоциональном отношении к родному городу и его окрестностям говорят ностальгические стихи Хўшхāl-хāна, написанные им в индийском плену в 1665–1666 гг. В поэме «Книга разлуки» Хўшхāl, не скупясь на эпитеты и гиперболы, восхваляет красоту земель Сарāя, называет их благословенным «кладезем очарования» (*kān dā malāḫat*), где живут великие герои и великие святые, где даже «козы дают бой волкам», а «петухи преследуют соколов» (Хўшхāl, 1984, с. 29–30). Газель Хўшхāла, посвященная хвалебному описанию родных мест и содержащая беглый географический обзор северных хатакских территорий, начинается со слов: «Пусть будет благословен Акорай за то, что он выбрал Сарāй. / Если хорошо поразмыслишь, поверь — вот это место так место!» (Хўшхāl, 1952, с. 412).

В хронике прямо не говорится о том, что Сарāй был основан Маликом Акораем, прадедом Хўшхāl-хāна, хотя сообщаются многие другие подробности, связанные с историей завоевания хатаками северных земель, прилегающих к Ландаю. Другое название Сарāя — Акора (по имени Малика Акорая именно как основателя города) — в хронике не используется; надо полагать, оно вошло в употребление позднее.

В стихах Хўшхāла упоминается также другое, вероятно, самое старое название города — Маликпўр (Хўшхāl, 1952, с. 569), якобы появившееся еще во времена Шйршāха Сўрй (правил 1539–1545). Согласно легендарной истории города, Маликпўром (букв. «город правителя») было названо местечко на дороге от Аттока в Пешавар, которое использовалось для размещения императорской стоянки и военного лагеря, поскольку здесь имелось несколько колодцев с питьевой водой.

Очевидно, во времена Акорая — в 80-е гг. XVI в. — Сарāй еще не считался княжеской резиденцией хатаков и не был хорошо благоустроен. Судя по одному сообщению хроники, только при Йаḫйā-хāне¹², т.е. к концу XVI в., Сарāй стал играть роль административного центра хасанхелов, хотя крепостными стенами он тогда еще не был обнесен:

«...Потом была вражда между цйнаями и хасанхелами. А была эта вражда оттого, что цйнаи позавидовали власти (*sardāri*) Йаḫйā-хāна... хасанхелы оказались

¹¹ Хвара — название юго-западных областей горного массива Нйлāб, расположенного между Индом и Кохāдом и образующего южную границу Пешаварской равнины.

¹² Дед Хўшхāl-хāна.

в тяжелом положении. [Их противники] собрали войско, пришли и окружили крепость (*конт*) Сарай. Правда, тогда еще Сарай крепостью не был. Окружала его только колючая изгородь (*хярбанд*). Сражение продолжалось несколько дней...» (с. 266–267).

Будучи княжеской резиденцией, Сарай фигурирует в хронике не просто как географический объект, но как знаковое место, символ политической власти хатакских правителей. Проживание представителя княжеского рода в городе равнозначно легитимному обладанию права на власть, и, наоборот, вынужденное отсутствие означает лишение этого права. О статусе Сарая в 1719 г. в период войны со своим братом Намдәр-хāном, поддержанным на короткое время могольской администрацией, Афдал-хāн сказал так:

«Когда я всего на один день без войны, без столкновения с моголами покинул Сарай, где находится дом моей семьи (*корхāна*) и моих предков, [который] я давно **сделал своим** (*мā хлэл кэрай ву*), посеял в нем смуту этот недостойный (Намдәр-хāн. — *М.П.*) по причине [своих] подношений, а также из-за недовольствия ничемных людей племени» (с. 420).

Большой интерес в хронике представляют сведения об истории миграций хатаков. Они крайне лаконичны, но содержат все ключевые факты, проясняющие географию и примерную хронологию наиболее значимых передвижений хатакских кланов. Поскольку речь здесь идет об истории завоевания и заселения хатаками земель, которые в течение нескольких столетий оставались их племенным доменом, Афдал-хāн счел необходимым выделить рассказ о миграциях в самостоятельный раздел хроники под названием «Повествование о местожительстве хатаков, [о том,] откуда они пришли, где они селились и проживали...»:

«Сначала местожительством хатаков были горы Шаввāl, где родина вазйров. Оттуда они переселились в Баннūн, где жили вместе с хūнами и мангалаями. Когда племена хūнаев и мангалаев из-за вражды с шйтаками и кайваями были изгнаны [со своих земель] и ушли в Индию, хатаки стали жить рядом с шйтаками. В их владении была речка (*вāла*) Садрāваң. Затем по причине вражды перебрались они в сторону Лавāгара, Джūногара, Терй, Карбўғи, Шйшама, Цотары, Лāчй и Шакардарры. Захватили они земли вплоть до [гор] Нйлāба.

Шйр-хāн Сўрйāхел и род Бабара ушли в Сўнйāлу. Через какое-то время прошел слух, что Шйр-хāну достались обширные земли. Тогда вслед за ним отправились аңохелы. Чинджо тоже покинул Карбўғу и двинулся в Шайхтангй. Постепенно сюда перебрались все аңохелы.

Говорят, что земли от Кохāта до Рйсэй принадлежали оракзаям. Сюда из гор пришли бангащи и стали с оракзаями воевать. У хатаков тоже была обида на оракзаев. Сдружились они с бангащами. Когда изгнали они оракзаев из Кохāта и с тех земель, захватили их бангащи. А [области] Рйсэй, Патйāла, Зйра вплоть до Тора-Цапары заняли хатаки.

В Карбўғе жили батйхелы. Малик Ако рассорился со своими сородичами из Карбўғи и перебрался в Хвару. В Хваре жили мандораи. Малик Ако поселился в Кавāздарре.

Потом сородичи стали упрекать Джāнй-хāна, который в то время был главой (*сардār*) батйхелов в том, что он несправедливо обидел Малика Ако и нужно им помириться. Поехал Джāнй-хāн к Малику Ако, но тот отказался [мириться] с ним.

Малику Джәни тоже понравились эти земли, когда он туда приезжал. К тому же люди дурсамандов постоянно чинили над ними насилие. Подумал он: „Как же мне увести отсюда свое племя? На родине хорошо. Никто не поедет со мной. Сделаю-ка я зло бангащам, чтобы тогда весь народ со мной уехал“. На вылазку против дурсамандов собрались отличные люди. Условленным путем пробрались они в их деревню и всех перебили. Потом все снялись с этих мест и переехали в Шакардарру.

Тут прослышали о нем аваны из Бага. Стали они опасаться, что тот захватит их земли. Совершили они на него набег. Между сторонами завязалось сражение. Много людей погибло. Тогда покинул он те места и постепенно перебрался в Хвару. А потом поселился в Сунйале...» (с. 263–264).

Факты, изложенные в хатакской хронике подтверждают гипотезу о том, что первоначальной территорией расселения паштунских племен были Сулеймановы горы — обширная горная система юго-восточного Гиндукуша, близко примыкающая к долине Инда (Morgenstierne, 1986, p. 217). В хронике прямо сказано о том, что «местожительством хатаков были горы Шаввал, где родина вазиров». Шаввалом, как указывает в своих примечаниях Д.М. Камил (Афдал, 1974, с. 1181), называются горные отроги в северо-западной части Сулеймановых гор. Из Сулеймановых гор хатаки двинулись на северо-восток в плоскогорные области Банну, где было больше природных источников жизнеобеспечения — плодородных земель, пастбищ и водных ресурсов. Первая волна миграций, видимо, была вызвана ростом численности хатаков после того, как они сформировались в отдельное племя, и происходила примерно в конце XIII — начале XIV в., т.е. во времена жизни Тормана и Болакка, родоначальников двух главных ветвей хатакских кланов, а также их сыновей.

В течение XIV в. хатаки продолжили свое продвижение на северо-восток и расселились в районах, прилегающих с юга к Кохату. Поскольку в дальнейшем эти районы оставались во владении хатаков, образуя южную полосу хатакских земель, авторам хроники была прекрасно известна их топонимика: Лавгар, Джунгар, Терй, Карбуга, Шйшам, Цотара, Лачй, Шакардарра. Судя по этим топонимам, западная граница хатакских территорий проходила по линии современных пакистанских городов Тхал и Хангу, восточная вплотную приблизилась к берегам Инда. Дойти до самого Кохата хатакам, очевидно, сразу не удалось, поскольку кохатские земли уже были заняты оракзаями.

Последующие волны миграций на север уже не имели массового характера, так как многие хатакские кланы, прежде всего болакские, прочно осели на ранее завоеванных землях. В XV и первой половине XVI в., примерно со времен Ано и Батая до времен Чинджо¹³, некоторые родовые группы хатаков, в том числе анохелы, бабары, сунйахелы, заселили районы невысоких Нилабских гор (наивысшая точка — 538 метров) и вышли к южным окраинам Пешаварской равнины. В союзе с бангащами хатаки захватили также северо-восточные районы Кохата, вытеснив оттуда оракзаев. Расширившаяся топонимика хатакских владений, зафиксированная в хронике, стала включать в себя такие названия, как Сунйала, Шайхтанги, Рйсэй, Патйала, Зйра, Тора-Цапара, Хвара, Каваздарра.

Завоевание хатаками плоскогорных земель Пешаварской равнины от гор Нилаб до реки Ландай (Кабул) связано с именем Малика Акора, вождя хасанхелов. В 1581 г. Акорай признал себя вассалом Великих Моголов и стал *джәгирдаром*, получив лично из рук императора Акбара мандат (*фарман*), легитимирующий его права на захва-

¹³ Прямые предки Хушхал-хана по мужской линии.

ченные территории: «...все земли от Хайрабада до Навшахра были пожалованы ему. Повсюду [на этих землях] он расселил свой народ» (с. 265). В начале 80-х гг. XVI в., как уже говорилось, Акораи основал на завоеванных землях городок Сарай, ставший впоследствии резиденцией хатакских князей.

Несмотря на выход к реке Ландай, образовывавшей естественную границу, и установление доходного контроля над важным отрезком торговой магистрали, соединявшей Индию с Кабульской провинцией, хатаки не прервали свое многовековое движение на север. Начиная с Йахйя-хана, деда Хушхала, хатакские вожди теперь уже как *джайрдары* под предлогом защиты интересов Могольской империи стали осуществлять регулярные экспансионистские вылазки на территории левобережья Ландая в долине Сама, принадлежавшие йусуфзайским кланам. Таким образом в последней четверти XVI в. началась пятая, последняя волна хатакских захватнических миграций, продолжавшаяся несколько десятилетий до середины XVII в. Хронологическим рубежом хатакских завоеваний можно считать арест Хушхал-хана могольскими властями в 1664 г., когда администрация Аурангзеба стала проводить жесткую политику централизации и ограничения автономии местных правителей. Тем не менее в период правления Шахбаз-хана¹⁴ и Хушхал-хана хатакам удалось закрепить за собой ряд йусуфзайских территорий к северу от Ландая, а Хушхал даже попытался включить некоторые йусуфзайские кланы, с которыми он породнился, в родовую структуру хатакского племени. Отдельные события этой последней волны хатакской экспансии на север, а также ее результаты хорошо отражены в хронике, изобилующей топонимами северо-восточных областей Пешаварской равнины.

Сведения о миграциях и территориях расселения других афганских племен содержатся в основном за пределами хатакской хроники в других частях «Тарих-и мурасса'». Параллельно с генеалогическими данными такого рода сведения о племенах подразделений горйахел и хашай излагаются в начале пятой главы (*дафтар*) книги (Афдал, 1974, с. 231–237). В самой хронике встречаются только беглые упоминания о местожительстве соседних с хатаками племен: например, при первом же упоминании племен утманхел и афрйдай сказано, что первые «населяют Свât, Баджаур, Арханг-Барханг» — горные области восточного Гиндукуша, с севера прилегающие к Пешаварской равнине, а вторые «живут в Тйрâхе, Бâре, Хайбаре» — районах к юго-западу от Пешавара (с. 255).

Наибольшее количество локальных топонимов сосредоточено в тех крайне многочисленных пассажах хроники, где с разной степенью детализации сообщаются маршруты передвижений. Топонимы в таких пассажах выступают как ориентиры виртуальной географической карты местности. Какие-либо пояснения или уточнения к топонимам, как правило, отсутствуют, хотя одно название может одновременно обозначать, например, и реку, и долину этой реки, и крупный населенный пункт этой долины. Часто совпадают названия горных районов, дорог через эти районы и отдельных перевалов. Населенные пункты нередко именуются личными именами или этнонимами, что еще больше увеличивает неоднозначность в интерпретации текста. Ясно, что от читателя (слушателя) хроники для ее адекватного понимания требовалось очень хорошее знание локальной географии, а также исторической топонимики.

Топография хроники включает самые разные по величине и значимости географические объекты: населенные пункты, в том числе города (*шахр*), деревни (*кэлай*), стоянки (*мйла*), форты и крепости (*кот*, *кал'а*), связующие дорожные пути (*лâр*), горы (*эар*), подножия и склоны гор (*ламэн*), горные перевалы (*эâшай*), холмы (*хэт*), овраги

¹⁴ Отец Хушхал-хана; погиб в 1641 г.

и балки (*хвар, канда*), равнины (*д̄аг*), леса (*дзангал*), рощи (*драг, б̄ут̄и*), речные долины (*в̄ад̄и*), большие и малые реки (*с̄инд, об̄э*), речные переправы (*з̄удар*), отводные каналы (*в̄ала*), ручьи (*дж̄уй*), озера (*д̄анд*), колодцы (*к̄ухай*), сады (*б̄аг*) и даже кладбища (*хабристан*).

Масштаб виртуальной карты описываемого действия находится в прямой зависимости от жанра повествования. В пассажах, имеющих признаки хроникального жанра, а тем более приближающихся к историографии, — особенно когда автор во времени и пространстве отдален от описываемого им действия, — масштаб карты, естественно, уменьшается, а ее топонимика, соответственно, ограничивается более крупными и значимыми географическими объектами:

«Когда настало время отправления Мухаммада Амйн-хана¹⁵, шинвараи и моманды, которым принадлежат земли Хайбара, вместе собрали войско. В Хайбаре они заняли перевал Гариб-хана» (с. 297);

«[Мухаммад Амйн-хан] выступил из Джамруда, пришел в ‘Али-Масджид. Из ‘Али-Масджида он подошел к Лваргаю, [там] остановился» (с. 297);

«Приехал он (Хушхал-хан. — М.П.) в Гунбат на землю хатаков, остановился там. Досточтимый хан¹⁶ приказал автору: „Дорогой Нилаба отправь его в Хайрабад!“ На основании приказа я послал людей и по дороге через Шадипур доставил его в Хайрабад» (с. 349);

«После Ахура Бахадур-шах¹⁷ расположился в Ашнагаре... На шестой день по дороге через Карбугу, Лачи, Шадипур, Сарай я (Афдал-хан. — М.П.) прибыл в Ашнагар» (с. 360);

«Бахадур-шах, прибыв в Зиран и Карман¹⁸, все лето там занимался обустройством дороги через перевал. Это та дорога, которая через Спингар идет из Зирана и Кармана в Гандомак. Но эта работа не была доведена до конца» (с. 362);

«Бахадур-шах отправился дорогой через Хост, приехал к даурам. Там те люди и вазйры перекрыли ему дорогу. С ним был Насир-хан, [человек], осведомленный в делах этого края. Выступил он посредником; [заключив] мирный договор, провёл он Бахадур-шаха в Баннун. Приехав в Баннун, тот там не задержался. Дорогой через марватский Лакки направился он к ‘исахелам» (с. 363);

«Когда Сипахдәр-хан¹⁹ приехал в Хасан-Абдал, я (Афдал-хан. — М.П.) с со всем войском племени — всадниками, пешими — поехал в Хайрабад встречать его. На переправе у Хайрабада я сопровождал его... Две-три ночи из-за дождя он провёл в Хайрабаде. Когда он выступил, направился к Шайдӯ... После Шайдӯ он остановился в Гардабе. А я расположился у исма‘илхелов Гардаба» (с. 411).

В текстах, относящихся к дневниковому или мемуарному жанру, где автор, как правило, сам находится в центре действия, масштаб виртуального географического пространства увеличивается, и количество топонимов, обозначающих объекты разной значимости, резко возрастает:

¹⁵ Могольский наместник в Кабульской провинции (1662 г.).

¹⁶ Ашраф-хан Хатак (1635–1694), отец Афдал-хана.

¹⁷ Могольский император, правил в 1707–1712 гг.

¹⁸ Зиран и Карман — деревни в долине реки Куррам к востоку от Пагачинара.

¹⁹ Могольский наместник в Кабульской провинции (1714 г.).

«Через перевал (*гәшай*) Гаранг я (Хұшхәл-хән. — М.П.) пришел в Низәмпүр... В Низәмпүре я провел три-четыре ночи. Шли дожди. ‘Абид-хәна я отправил совершить рейд (*гаит*) в окрестностях Навшахра... ‘Абид-хән, Зйно, Муллә ‘Усмән и другие ребята — около шестидесяти всадников — пошли через перевал Сүңйәлә. Имущество (*мәл*) зәхелов и йүсуфхелов они отправили мне через перевал Қирмизй. Ночь оно находилось у исмә‘йльхелов. Ко мне прибыло в Ғарбйн... В Ғарбйне я немного задержался... С Муллә Камәлом и другими через перевал Ғарбйн я пришел в Рәджагар» (с. 315);

«...Итак, дорогой через Пандйәлә добрались мы (Хұшхәл-хән и его спутники. — М.П.) до реки. Приехали к нам мулләгораи. С большой вежливостью и обходительностью переправили они нас поочередно через реку... Примерно с сотней мулләгораев приехал я в Тотәй²⁰ дорогой через Пало и Чандай. Эти места принадлежали утмәнзаям карләңаям» (с. 324);

«...Изучив вторую грамоту (*нарвәна*) [*наввәба*], я (Афдал-хән. — М.П.) один выехал из Джйнкәүра... К ночи я добрался до Шамшанү. Когда бездарный Нәмдәр прослышал обо мне, не стал воевать, покинул Сарәй. Направился он в сторону переправы Аттока, пришел в Хайрәбәд. Мухаммад Наджәбат-хәна с пятьюдесятью-шестьюдесятью всадниками в сопровождении цйнаев он послал в Спйн-Кәңай. Когда мне стало известно об этом, я отдал приказ Мухаммаду ‘Алй-хәну, и он совершил [на них] ночной налет (*шабихүн*). Прижал он их, и они без промедления вернулись из Спйн-Кәңай в Хайрәбәд. Я тоже на следующий день к вечеру, в среду восьмого числа [месяца] зү-л-хиджжа [02.11.1718 г.] приехал в Спйн-Кәңай. На следующий день, девятого числа [месяца] зү-л-хиджжа [03.11.1718 г.], в день ‘арафы, я выехал из Спйн-Кәңай. Был я богат силой клинка. Вместо жертвоприношения я заплатил свой долг жертвами храбрых бойцов. Посетил я зийәрат великого шейха Шайха Рахмкәра, попросил о помощи. [Потом] пошел вдоль подножия гор. Я хотел пройти к Хайрәбәду через Рәшкй-Патва мандүхелов. Однако у кладбища Сйнака люди сказали мне, что из Гйдаргулй выехали всадники. Дорога через мандүхелов оказалась закрыта. В Сйнаке, в Катй-Мйла распространились вести, что я направляюсь в Хайрәбәд...» (с. 416–417);

«Я (Афдал-хән. — М.П.) сидел в Содхале, [ождая] Асадалләх-хәна и семью (*када*)... Когда Асадалләх-хән вернулся ко мне, я поручил ему, чтобы он как можно скорее доставил ко мне всю семью из Чашмй и сам приехал. Некоторые вещи из Макхада я тоже потребовал [доставить] с ним. Когда он добрался до Мәлгйна, я отправил к нему грузчиков и свежих тягловых животных. Потом я оттуда совершил ночной переход. Еще оставалась четвертая часть ночи, как мы вошли в ущелье (*хула*) Гандйәләй. Отдых состоялся у Шйн-Данда. Утром я добрался до Джамү. В Джамү я провел две ночи²¹. На третий день после полудня я верхом спустился вниз, приехал в Күхай...» (с. 435–436).

Используя местную топонимику для точной географической локализации действия и особенно для обозначения маршрутов передвижений, авторы хроники часто явно подчеркнута демонстрируют свое безупречное знание местности, что одновременно является одним из стилистических средств выражения патриотических чувств

²⁰ Тотәй — область к юго-западу от йүсуфзайского Малаканда, примыкающая с юга к району Арханг-Барханг Бәджаура.

²¹ Гандйәләй — деревня и горный проход к западу от Кохәта; Шйн-Данд (букв. «Голубое Озеро») — озеро к северу от Гандйәләй; Джамү[н] — афридайское селение близ границы хатаков и афрйдаев адамхелов.

и проявлением хозяйского отношения к среде обитания. Насыщенные топонимами дневники и воспоминания, таким образом, выполняют внелитературную функцию скрытых деклараций имущественных прав хатакских вождей на землю.

Литература

- Афдал-хāн Хатак*. Тāрйх-и мураҗса‘ (Украшенная драгоценностями история) / Подготовка текста, примеч.: Д.М. Кāмил Моманд. Пешавар, 1974.
- Кушев В.В.* Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). М., 1980.
- Пелевин М.С.* Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб., 2005.
- Пелевин М.С.* Афганская литература позднего средневековья. СПб., 2010.
- Хевāдмал З.* Дə паҗто адабийāто тāрйх (История литературы пашто). Пешавар, 1379/2000 (на яз. пашто).
- Хушхāл-хāн Хатак*. Куллийāt / Предисл. и примеч.: Д.М. Кāмил Моманд. Пешавар, 1952.
- Хушхāл-хāн Хатак*. Фирāқ-нāма (Книга разлуки) / Предисл., коммент., глоссарий: З. Хевāдмал. Кабул, 1363/1984.
- Hughes T.P.* The Kalīd-i Afghānī, Being Selections of Pushto Prose and Poetry for the Use of Students. Lahore, 1873.
- Morgenstierne G.* Afghān // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. I. Leiden, 1986. P. 216–221.
- Plowden T.C.* Translation of “Kalīd-i Afghānī”. Lahore, 1875.
- Raverty H.G.* The Gulshan-Roh: Being Selections, Prose and Poetical, in the Pushtu, or Afghān Language. L., 1860.

Summary

M.S. Pelevin

Toponyms and Localization of Action in an Afghan Tribal Chronicle (the 17th–18th Centuries)

The insufficiently studied text of the Khaṭak tribal chronicle which is a part of the historiographic work *Tārīkh-i muraṣṣa‘* (“An Ornamented History”) by Afḍal Khān Khaṭak (d. circa 1740/41) abounds in local toponyms. This may be explained by a number of interrelated reasons including general attitude of the Pashtun tribal society towards the land as a main life-support source, political and legal ideology of Pashtun tribal rulers, sentiments of local patriotism, specific narration stylistics of the chronicle. Toponyms help one trace the waves and chronology of tribal migrations and delineate the territory of the Khaṭak tribe in the 17th–18th centuries. The scale of the chronicle’s geographical map regularly changes depending on the genre characteristics of narration: it reduces in passages with historiographic accounts and strongly increases in records which have the traits of personal diaries and memoirs.